

Вадим Майко

Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей

История Юго-Восточного и Восточного Крыма в период формирования и существования древнерусского протектората над Тмутараканью изучена крайне слабо¹.

Многолетние исследования Сугдеи показывают, что в середине X в. происходит резкая смена материальной культуры. На смену праболгарской (так называемый крымский вариант салтово-маяцкой культуры) приходит совершенно новая археологическая культура. Связанные с ней археологические памятники обнаружены только в городских центрах Сугдее и Боспоре. Сельских поселений второй половины X–XI вв. ни в Юго-Восточном Крыму, ни на Керченском полуострове, несмотря на широкомасштабные разведки и раскопки, пока не обнаружено². Сельские праболгарские поселения, в огромном количестве разбросанные по побережью и руслам рек, более не возрождаются. Жизнь продолжается только в городах. За прошедшие годы эта материальная культура изучена и опубликована достаточно полно³.

Вторым бесспорным археологическим фактом является то, что по основным критериям археологические комплексы Судака и Керчи практически идентичны опубликованным комплексам Таманского городища, где в это же время также происходит смена материальной культуры⁴. При том, что импортная амфорная тара интернациональна, состав керамического комплекса также оказывается схожим. Учитывая тенденции моды, много общего в наборе украшений. Соглашаясь с нивелирующим характером христианского погребального обряда, стоит отметить, что исследованные погребения обнаруживают близкие черты. Сходные моменты просматриваются также в приемах домостроительства и т.д.

1 Наиболее полно и обстоятельно историческая ситуация в этой части полуострова освещена в работах В.П. Степаненко: Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики. *Византия и средневековый Крым*. Барнаул, 1992, 128–129; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани в 80–90-е гг. XI в. *МАИЭТ*. Вып. III. Симферополь, 1993, 254.

2 Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. К., Судак, 2004, 164–169.

3 Среди обобщающих работ см.: Майко В.В. Сугдея во второй половине X — начале XI вв. *Сугдейский сборник*. К., Судак, 2004, 201–244; Герцен А.Г., Майко В.В. Хазары. *Крым сквозь тысячелетия*. Симферополь, 2004, 141–167.

4 Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария. *Великая «Скуфь»*. *Stratum*, № 5. СПб., Кишинев, Одесса, 2000, 236–261.

Все это позволяет ставить вопрос и об этнической близости носителей культуры. В общем, эту культуру нельзя назвать византийской, ромейской, — в ней присутствует множество элементов, отличающих ее от материальной культуры Константинополя и других крупных имперских городов. Это своеобразная провинциально-византийская культура, истоки которой, на мой взгляд, следует искать именно на Северном Кавказе. Просуществовала она без видимых изменений до начала XI в.

Источниковедческая база для реконструкции политической ситуации на территории Юго-Восточного Крыма во второй половине X — начале XI вв. намного скуднее. Сведения письменных источников разнообразны, но отрывочны. Все они детально проанализированы в литературе⁵. Так, комплекс документов так называемой еврейско-хазарской переписки позволил выдвинуть версию о времени и причинах появления в Юго-Восточном Крыму новой материальной культуры⁶. К сожалению, сведений о политической ситуации в рассматриваемом регионе во второй половине X в. они практически не содержат. Немногим больше конкретизирует ситуацию Константин Багрянородный. Ничего не говоря о населении Юго-Восточного Крыма, он упоминает о народе пачинакитов, соседствующих с областью Херсона⁷. Однако, степень археологического изучения городища Сугдеи второй половины X — начала XI вв., позволяет пока утверждать, что так называемые кочевнические элементы материальной культуры проявились здесь только в присутствии соответствующего вооружения, конского снаряжения, некоторых бытовых предметов и единичных, уникальных сосудов кочевнического облика. Совершенно очевидно, что поскольку все эти вещи не являются несомненными маркерами этничности, невозможно пока их сопоставить и с конкретным этносом номадов⁸. В то же время ни один письменный источник прямо не говорит о вхождении Юго-Восточного Крыма в состав

5 Историография работ огромна. Последний обобщающий анализ византийских и еврейско-хазарских письменных источников см.: Сорочан С.Б. *Византийский Херсон. Очерки истории и культуры*. Харьков, 2005, 1495–1585, там же и основная историография вопроса. Краткий анализ арабских и древнерусских источников см.: Новосельцев А.П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М., 1990.

6 Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. *Археологія*. 1999, № 2, 40–49.

7 Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. М., 1989, 37. По мнению С.А. Плетневой, вторгшиеся в конце IX в. в донские владения Хазарии печенеги только прошли по ним, обосновавшись много западнее. В собственно хазарских землях осталась лишь орда Вороталмат, использовавшая крымские степи в качестве сезонных кочевий. Возможно, это и есть т. н. «хазарские» печенеги письменных источников. Несмотря на это, в первой половине X в. устоявшийся в Хазарии порядок сохранялся до похода Святослава (Плетнева С.А. О заселении славянами Саркела-Белой Вежи. *Археология восточноевропейской лесостепи*. Вып. 14. *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья*. Воронеж, 2000, 82). В другой работе С.А. Плетнева подробно публикует комплекс построек на территории городища Таматархи. В их заполнении, наряду с салтово-маяцкой, отмечен некоторый процент т.н. печенежской керамики. На основании этого говорится о возможном проживании в городе до похода Святослава печенегов, либо о ведении хозяйства в этом конкретном комплексе печенеженкой, взятой из кочевавшей поблизости от Таматархи орды (Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе. *РА*. 2001, № 2, 105). Судя по всему, сходная ситуация прослеживается и в Сугдее.

8 Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X–XI вв. Мода или неоднородность этноса. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Т. П. Коростень, 2008, 20–28.

Византии и тем более о массовом заселении этой части полуострова малоазийскими греками.

В решении вопроса о характере и степени византийского присутствия в Юго-Восточном Крыму и в Сугдее во второй половине X в. принципиальное значение имеет вопрос о времени возникновения и периоде существования в городе фемы. При этом необходимо учитывать, что появление в это время множества мелких фем было типичным для Византии. Так, согласно данным *Эскуриального Тактика* 971/975 гг., в империи наблюдается резкое увеличение численности стратигов, притом, преимущественно небольших фем и городов⁹. До второй половины X в. в Крыму существовала лишь одна византийская военно-административная единица – фема Херсона и Климатов или просто Херсона. В *Тактиконе*, опубликованном Н. Икономидисом и относящемся к 80-тым гг. X в., упоминается еще одна фема Таврики – фема Боспора¹⁰. Реальное ее существование подтверждается находками печатей Георгия Цулы. Согласно Скилице, его деятельность на Боспоре относится к началу XI в.¹¹ В этом же *Тактиконе* упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время — морская фема Понта Эвксинского. Н. Икономидис предложил искать центр этой фемы на юго-западном побережье Черного моря. При этом исследователь указывал, что византийские военно-морские силы в IX–X вв. были организованы в особую фему Эгейского моря с центром в Абидосе. Этот флот призван был защищать столицу империи от возможных нападений арабов из регионов Восточного Средиземноморья. Флот же, размещенный на Эвксинском Понте, в середине 80-х гг. X в., судя по дате *Тактика* Эскуриальной рукописи, был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. В качестве этой морской фемы Понта Эвксинского Н. Икономидис склонен был видеть Боспор Фракийский, как наиболее подходящий порт в этой части побережья Черного моря. И.А. Баранов, а следом за ним и В.П. Степаненко, склонны локализовать центр этой фемы в Сугдее¹² и датировать ее возникновение периодом правления Иоанна Цимисхия, когда после падения Хазарского каганата и временного ослабления политической активности Руси в Причерноморье и на Балканах, Византийская империя получила благоприятный момент для расширения своих владений на всю территорию Крымского полуострова¹³. К сожалению, эта вполне логичная версия нуждается в дальнейшей

9 Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей. *Византия и Крым. Проблемы городской культуры*. Екатеринбург, 1995, 14; Бибииков М.В. Новые данные Тактика Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях. *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1976, 88.

10 Oikonomides N., *Les listes de preseance Byzantines des IX et X siecles* (Paris, 1972), 268–269.

11 Georgius Cedrinus, *Joannis Scylitzae ope ab J.Bekkeri suppletus et emendatus*, I–II (Bonnae, 1838), 232.

12 Баранов И.А. *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура)*. К., 1990, 154; Степаненко В.П. *К истории средневековой Таврики*, 128–129.

13 Степаненко В.П. *К статусу Тмутаракани*, 254. В пользу возникновения фемы в Сугдее не ранее 975 г. высказывается и В.И. Булгакова: Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.). *Сугдейский сборник*. Т. III. К., Судак, 2008, 314. Не ранее третьей четверти X в., по мнению Н.А. Алексеенко, возникает и турмархия Готии, входившая в состав Херсонской фемы (Алексеенко Н.А. Византийская

аргументации. Таковой может быть комплекс моливдовулов, происходящий из подводных исследований в Судакской бухте. К счастью, он постоянно увеличивается. В настоящее время нам известно уже шесть печатей стратигов Сугдейской фемы. Во-первых, это четыре оттиснутые одной матрицей печати протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия¹⁴. Во-вторых, две также, вероятно, оттиснутые одной матрицей печати Иоанна — патрикия и стратига Сугдеи¹⁵. Несомненно, что типологически оба типа печатей близки по времени и датируются первой половиной XI в. Таким образом, о существовании фемы в Сугдее в третьей четверти X в. говорить пока нет оснований.

В настоящее время этим и исчерпываются археологические и сфрагистические источники. Сверх того возможна только историческая реконструкция. Она была предложена автором в нескольких работах. Подытожим ее основные моменты.

После похода в Крым в 941 г. хазарского полководца Песаха полностью исчезает праболгарская культура, а в юго-восточной части полуострова возникает новая городская, принесенная переселенцами с Северного Кавказа, частично, возможно, из Тмутаракани. До падения Хазарии в 965 г. местное население номинально подчинялось ставленнику каганата, что и нашло отражение в письме царя Иосифа и перечне хазарских городов. Занятая внутривосточными проблемами и событиями на Балканах, Византийская империя до поры и времени не вмешивалась в положение дел. Мешало этому и присутствие на полуострове части печенегов, занимавшихся активной посреднической деятельностью. При этом разгром Святославом хазарского войска, взятие ряда городов, поход «на ясы и косоги» мало коснулся Крымского полуострова и лишь только оборвал и без того не особо прочные связи местного населения с верхушкой Хазарского каганата. Присутствие русских дружин на Боспоре, захват и разгром ими города представляется маловероятным, во всяком случае это не нашло отражения ни в *Повести временных лет*, ни в византийских, ни в арабских источниках. Однако образование Тмутараканского княжества усилило центристские тенденции родственного населения по обоим берегам Керченского пролива. Логика событий подсказывает, что в начале 70-х гг. X в. Юго-Восточная Таврика пере-

администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) *МАИЭТ*. Т. II, ч. 2. Симферополь, 2006, 568). Основываясь на сфрагистических находках, ученый высказал предположение о существовании аналогичной турмархии в это же время и на Боспоре (Алексеев Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в., 564), так же, вероятно, входившей в состав Боспорской фемы. Находилась ли подобная турмархия в Сугдее, или она входила в состав турмархии Боспора, пока можно только гадать. Ясно другое, что все эти события связаны с усилением позиции Византии в Таврике после 971 г.

- 14 Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей, 13–15; Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи. *Археология Крыма*, № 1. Симферополь, 1997, 83–87; Stepanova E., “New seals from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 6 (Washington, 1999), 49–50. Четвертая печать этого стратига опубликована В.И. Булгаковой (Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 315–316, № 30). По мнению автора, Георгий принадлежал к известному византийскому армянскому роду Муселе, потерявшему к середине XI в. свое былое могущество.
- 15 Степанова Е.В., Фарбей А.М. *Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре* Т. II. К., Судак, 2006, 303, № 2; Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 314–315, № 29.

ходит под власть Византийской империи. Насколько прочной была эта власть и в какой форме осуществлялась, сказать трудно; находился ли на Боспоре или в Сугдее византийский чиновник, была ли создана фема – неизвестно.

После похода Владимира «на козары» 986/987 гг. и последующего взятия Херсонеса, ситуация для Юго-Восточного Крыма, в отличие от Тмутаракани, меняется незначительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время, не происходит. Однако, естественно, влияние Руси на Юго-Восточный Крым, номинально подчиненный Византии, особенно через Тмутараканское княжество, усиливается.

Вероятно, между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами, и позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата — Крымской Хазарии. В этой политике активную моральную и экономическую поддержку, не без ведома Руси, оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка до середины 70-х гг. X в. была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 940–950-х и, очевидно, до 980-х гг. представляется самостоятельным политическим образованием¹⁶, балансирующим в разные периоды между Русью, Хазарией и Византией¹⁷.

В начале XI в. политическая ситуация в Юго-Восточном Крыму и в Сугдее меняется. Номинальная зависимость Юго-Восточной Таврики от Византии во второй половине X в. не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей (и, соответственно, Кедриным) восстание 1015 г. под предводительством Георгия Цулы, и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г.¹⁸

Это одно из немногих политических событий в истории Юго-Восточного Крыма начала XI в., отмеченное письменными источниками, заслуживает более пристального внимания. Относительно места восстания наиболее аргументированная точка зрения изложена в одной из последних работ В.П. Степаненко¹⁹. Обоснованно критикуя точку зрения о локализации восстания в Херсонесе, уче-

16 Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 170–171.

17 Галло А.В. Тмутараканские этюды. III. *Вестник ЛГУ*. Сер. 2, вып. 2, 21; Новосельцев А.П. *Хазарское государство*, 133

18 Joannis Scylitzae. *Synopsis Historiarum, Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, vol. 5 (1973), 354; *Georgius Cedrinus*, 464. Вероятно, Георгий Кедрин был хорошо знаком с ситуацией, сложившейся в это время в Юго-Восточном Крыму. При проведении подводных археологических разведок в Судакской бухте была обнаружена его печать: Stepanova E., “New finds from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 7 (Washington, 2003), 127.

19 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. *Россия и мир: панорама исторического развития*. Екатеринбург, 2008, 28–35.

ный отмечает невозможность отождествления «архонта Хазарии» источника со «сфрагистическим» стратигом Херсона Георгием Цулой. Напомним, что это историческое лицо известно нам, помимо единственного письменного источника, так же по находкам печатей, на которых он назван в одном случае – стратигом Херсона в ранге спафария, затем протоспафария, а, затем, в том же ранге стратигом Боспора²⁰ (последнее, однако, нуждается в дальнейших доказательствах). Но, в этой связи, совершенно прав В.П. Степаненко, утверждающий, что пока нет возможности датировать печати Георгия Цулы с точностью до одного года. С другой стороны, вполне можно согласиться с мнением исследователя, что, согласно Скилице, архонт – автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией²¹.

По поводу этнического происхождения руководителя восстания Георгия Цулы можно констатировать лишь, что род Цул длительное время находился на службе Византии, что подтверждается целым рядом находок моливдовулов как второй половины X в., так и начала XI в.²² В историографии со времен М.И. Артамонова²³ преобладает точка зрения об их местном тюркском, возможном и хазарском²⁴, но, вероятно, не херсонском происхождении.

Различные интерпретации места восстания и должности руководителя приводят к различным суждениям о его причинах и сущности. Они детально рассмотрены в литературе²⁵, что избавляет от обзора мнений. Отметим лишь, что в последнее время все большее число авторов склоняется в пользу мысли, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму²⁶. Подобная точка зрения, основанная на указанном недвусмысленном упоминании в тексте Скилицы Хазарии и хазарского архонта Георгия Цулы, поддерживается рядом специалистов. Так, по мнению А.В. Гадло, мир, установленный между Русью и Византией после похода на Корсунь Владимира, был нарушен в 1015 г. именно этим восстанием. Цула, возможно, воспользовался династическим кризисом на Руси, вызванным смертью Владимира и последующей междоусобной войной²⁷. В это же время византийский император Василий II (976–1025 гг.) был занят войной в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил имперскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой²⁸, поддержанному и другими ис-

20 Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне. *Палестинский сборник. Византия и Восток*. Вып. 23 (86). 1971, 68–74; Соколова И.В. *Монеты и печати византийского Херсона*. Л. 1983, 164; Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики, 126–127; Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса. *Древности*. Т. 2. Харьков, 1995, 85.

21 Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса, 29.

22 Соколова И.В. Печати Георгия Цулы, 68–74; Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса, 85.

23 Артамонов М.И. *История хазар*. Л., 1962, 436.

24 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 32.

25 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 28–35.

26 Более подробно эта точка зрения рассмотрена В.П. Степаненко: Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики, 125–126; Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 34.

27 Гадло А.В. Тмутороканские этюды. II, 26.

28 Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. *Причерноморье в средние века*. М., 1991, 156.

следователями²⁹, флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна. Только чрезвычайные обстоятельства заставили бы императора снарядить экспедицию в разгар зимы. Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Руси. По вероятному мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов является ни чем иным, как ответной реакцией на подчинение империей Юго-Восточного Крыма³⁰. Исходя из этого, автор датировал его не 1022 г., а 1016 или 1017 гг. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшего. С другой стороны, Юго-Восточная Таврика, населенная жителями, исторически связанными с Тмутараканскими «козарами» и управляемая местной тюркской администрацией в лице Георгия Цулы, не была обычной провинцией византийской империи. Повторю, что, скорее всего, речь идет о представившейся возможности ликвидировать крепнувший и набирающий все большую самостоятельность и все менее зависимый от имперских чиновников реликт Хазарского каганата в юго-восточной части полуострова.

Близкая точка зрения на основании исторических параллелей в последнее время аргументировано изложена В.П. Степаненко. Ученый отмечает, что к началу XI в. Хазария располагалась в Крыму северо-восточнее территории фемы Херсон, возможно, гранича с ней и с турмархией Готия³¹. Исследователь соглашается с тем, что это было государственное образование (княжество), лимитроф, находившийся в контактах с византийской администрацией Херсона и постепенно поглощаемый империей³².

Для подавления мятежа, помимо византийского отряда, были привлечены русские воины, возглавлял которых Сфенг, названный в источнике братом киевского князя Владимира. Преобладающее мнение полагает его либо варяжским воеводой в дружине Мстислава Тмутараканского, либо командиром варяго-русского отряда на византийской службе³³, погруженного на суда и отправленного в Крым³⁴. О подробностях военных действий источник умалчивает, известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II. Византийская власть на полуострове была восстановлена.

Как отразился на местном населении поход византийского флота, сказать сложно. К сожалению, определить верхнюю хронологическую дату археологической культуры Юго-Восточного Крыма затруднительно. За годы раскопок в жилых комплексах Сугдеи обнаружено несколько византийских монет второй половины X в. (например, анонимный фоллис класса А-II времени правления Иоанна Цимисхия). К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что памятники функционировали во второй половине X в.

29 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

30 Гадло А.В. Тмутараканские этюды. III, 26.

31 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

32 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

33 Гадло А.В. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества. *Проблемы истории феодальной России*. Л., 1971, 26; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани, 258.

34 Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии, 35.

Кроме этого, интересную информацию содержат материалы раскопок Т.И. Макаровой на территории Боспора-Керчи. Напомним, что исследованный на этом участке квартал интересующего нас времени состоит из пяти домов, расчлененных улицами. Не вдаваясь в излишние проблемы датировки конкретного археологического материала, не исключено, что время гибели квартала датирует как археологический материал (в том числе и амфорный), так и данные нумизматики и стратиграфии. Сама исследовательница отмечает, что объекты гибнут в слое пожара с монетами, самая поздняя из которых может быть отнесена к началу XI в.³⁵ На мой взгляд, это разрушение может быть связано с подавлением византийско-русскими войсками восстания Цулы на Боспоре в 1015 г.

Подавление восстания было удобным поводом для Византийской империи, наконец, ликвидировать сложившуюся ситуацию и покончить с иллюзиями местного населения о возможности существования осколка хазарского государства в юго-восточной части полуострова. Вероятно, вскоре возникает и фема в Сугдее³⁶. Известные изменения на протяжении первой половины XI в. претерпевает и материальная культура. К концу этого столетия она полностью формируется как провинциально византийская. Наиболее ярко специфику археологических комплексов отражают работы в портовой части Судакской крепости, проведенные М.А. Фронджуло³⁷. К сожалению, это пока единственный и притом долговременный жилой комплекс Сугдеи, возникновение которого можно с уверенностью отнести к первой половине XI в. С другой стороны, сравнительно неплохо изучена топография некрополей, погребальный обряд этого периода, детально прослежены ремонтные фортификационные работы. Однако и в это время материальную культуру города нельзя признать однородной. Можно согласиться с тем, что присутствие в ней элементов костюма, украшений, даже конского снаряжения кочевников XI в., связано с влиянием моды и, по существу, малопригодно для этнических определений. Но кочевническая принадлежность элементов конской упряжи и некоторых специфических украшений, обнаруженных в плитовых погребениях Сугдеи³⁸, не вызывает сомнений. Несомненным номадским элементом материальной культуры является комплекс лепной кухонной керамики, обнаруженный в заполнении жилого дома в портовой части Сугдеи (раскопки М.А. Фронджуло 1965–1968 гг.)³⁹. Ближайшие аналогии ей присутствуют в кочевнических комплексах Саркела-Белой Вежи X–XI вв.⁴⁰, а также в подкурганных погребениях, оставленных печенегами⁴¹. Таким образом, есть все

35 Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. *МАИЭТ*. Вып. VI. Симферополь, 1998, 363.

36 Степанова Е.В., Фарбей А.М. *Византийские свинцовые печати*, 304.

37 Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI–XII вв. *Херсонесский сборник*. Вып. IX. Севастополь, 1998, 160–181.

38 Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи, 23, рис. 2, 1, 10.

39 Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике, 168.

40 Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи. *МИА*, № 75. 1959, 234, рис. 19: 10, 11, 16, 17.

41 Станко В.Н. Детское захоронение кочевника. *Записки Одесского археологического общества*. Т. 1. Одесса, 1960, 231, рис. 1: 1.

основания говорить о проживании в городе части кочевнического населения. Кем они были этнически — печенегами или узами-торками, сказать сложно.

С окончательным оформлением протектората над Тмутараканью при черниговских князьях со второй половины XI в. усиливается ее влияние на Юго-Восточный Крым. Материальная культура города этого времени изобилует разнообразными находками древнерусского происхождения⁴², иллюстрирующими самые разноплановые направления связей. Подобная тенденция ни до, ни после этого периода не прослеживается. Это – шиферные прясла, происходящие из заполнения жилых домов, хозяйственных помещений и культовых объектов; керамические яйца-писанки, обнаруженные в погребальном сооружении и в заполнении жилого дома; нательный ромбовидный крест-медальон из серого шифера, обнаруженный в погребении и имеющий прямые аналогии в русских древностях. Особо следует выделить уникальную пока для Юго-Восточного Крыма находку серебряной шестиконечной гривны киевского типа, использовавшейся, по мнению большинства специалистов, только для крупных государственных торговых операций⁴³. Обнаружена она была во время подводных исследований в Судакской бухте в 2006 г. и ее связь с деятельностью порта несомненна.

Другое направление тмутараканских связей Сугдеи иллюстрирует находка фрагмента ручки крупной амфоры. Этот тип импортных амфор редок в Крыму, хронологические рамки его существования до конца не ясны, но для середины X – середины XI вв. они характерны. Несмотря на то, что изделие опубликовано, повторим, что на фрагменте толстой линией прочерчены славянские буквы А (Аз) и Б (Буки). Вопрос о времени и причинах появления данного граффито в Сугдее насчитывает уже не одну работу⁴⁴. Тем не менее, совершенно ясно, что надпись может быть датирована не ранее начала XI в. В последнее время анализ славянских надписей на керамике, происходящих с территории Древней Руси и, прежде всего, Тмутаракани, был произведен А.А. Мединцевой и В.Н. Чхаидзе⁴⁵. Появление славянских надписей на керамике авторы связывают с просветительной деятельностью в Тмутаракани древнерусского монастыря. Возможно, эта деятельность распространилась и на Сугдею.

Особую группу находок составляют свинцовые печати тмутараканских князей, найденные во время подводных исследований в Судакской бухте. В настоящее время насчитывается три так называемые печати Олега-Михаила. На лицевой стороне представлен архангел Михаил в полный рост со скипетром в правой руке. На оборотной — греческая надпись *Господи помози Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии*⁴⁶. В литературе печать датируется вто-

42 Майко В.В. Давньоруські знахідки X–XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти. *Дньєслово*. К., 2008, 311–321.

43 Янин В.Л. Русские денежные системы IX–XV вв. *Древняя Русь. Город, замок, село*. М., 1985, 365.

44 Последний раз фрагмент был опубликован в: Майко В.В. Давньоруські знахідки X–XIII ст., 313, рис. 1, 7. Там же и разбор историографии.

45 Мединцева А.А., Чхаидзе В.Н. Новая древнерусская надпись из Тмутаракани. *РА*. 2008, № 1, 101–102.

46 Одна из них опубликована и тщательно проанализирована Е.В. Степановой (Stepanova E.), “New Finds from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 7, 127; Степанова Е.В. Печати из Судака

рой половиной XI в.⁴⁷ Аналогии этим моливдовулам хорошо известны, пока их насчитывается три, причем две происходят с территории Боспора⁴⁸. Проблема установления личности собственника печати является одной из наиболее дискуссионных на протяжении последних 60-ти лет. Суть ее, как известно, сводится к тому, кто был собственником печати — византийский чиновник или известный черниговский князь Олег Святославович, получивший при крещении имя Михаил. Этот, на первый взгляд, сфрагистический казус оказался сложной исторической проблемой, оказавшей влияние на дискуссию о сущности самого термина *архонт* и закономерно поставившей вопрос о том, когда Юго-Восточный и Восточный Крым входит в состав Византийской империи. Историография проблемы детально изложена в работах В.П. Степаненко и Е.В. Степановой⁴⁹. Согласно мнению исследователей, после 1083 г., когда Олег Святославович вернулся в Тмутаракань после четырехлетнего плена, влияние Византии на эти территории усилилось. В этом случае печать *Михаила архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии* можно расценивать, как печать князя, связанного с империей определенными вассальными обязательствами. Дополнительным аргументом в пользу «княжеской» атрибуции моливдовула является тот факт, что, согласно сфрагистическим исследованиям, ко времени появления печати Михаила, архонты, как государственные чиновники Византии, исчезают, а этот титул используется только для союзников или федератов империи⁵⁰. В качестве аналогии аргументировано приводится моливдовул Иоанна, *архонта Пачинакии*, одного из печенежских племен на территории Болгарии именно середины XI в.⁵¹ С другой стороны, хорошо известны печати древнерусских переяславских, черниговских, смоленских, волыньских князей середины XI — начала XII вв., где титул архонт не упоминается⁵², которые, разумеется, Византии не подчинялись.

Особое внимание следует обратить на находку печати еще одного тмутараканского князя Давида Игоревича (1081–1083 гг.), обнаруженную при проведении подводных исследований в Судакской бухте в 2004–2005 гг.⁵³ Это пока единственная печать указанного князя в Крыму. Согласно мнению исследователей, эту печать из Судака можно рассматривать в качестве прототипа для последующих печатей Давида Игоревича⁵⁴.

(к вопросу об интерпретации). *Сугдейский сборник*. Вып. II. К., Судак, 2005, 541, рис. 1, 8); другая В.И. Булгаковой (Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 321, № 40). В этой же работе автор упоминает еще одну находку печати Михаила, происходящую из порта Сугдеи.

47 Stepanova E., “New finds from Sudak,” *Studies in Byzantine Sigillography*, № 7, 127.

48 К тмутараканским печатям Боспора второй половины XI в. можно добавить давно известную печать посадника Ратибора и, возможно, спорную печать Михаила Матарха (Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева. *МАИЭТ*. Т. XIII. Симферополь, 2007, 365).

49 Степанова Е.В. Печати из Судака, 542–545; Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани, 254–263.

50 Степанова Е.В. Печати из Судака, 543.

51 Jordanov I., “Sceau d’archonte de Patzinakia du XIe siècle,” *Études balkaniques* (1992, no 2), 80–81; Степанова Е.В. Печати из Судака, 543.

52 Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV веков*. Т. I. М., 1970, 16–26.

53 Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 320–321, № 39.

54 Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи, 321.

Таким образом, все перечисленные выше древнерусские находки, а особенно уникальный по количеству и разнообразию комплекс печатей, позволяет ставить вопрос не только об экономических связях Юго-Восточного Крыма и Тмутаракани, но и об определенной политической зависимости этой территории полуострова от княжества. Возможно, именно с этими событиями связана попытка укрепить северо-восточные границы империи в Юго-Восточном Крыму. Вероятно тут, как и на Нижнем Дунае, расселяется часть печенегов, определенные группы которых поселяются и в городах, переходя к оседлости. В 1048–1054 гг. именно эти печенеги, следуя известиям *Судакского Синаксаря*, помогали жителям Сугдеи бороться против узов-торков. На мой взгляд, как раз для противостояния экспансии Тмутараканского княжества в 1059 г. фема Сугдеи была объединена с фемой Херсона, о чем свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата⁵⁵. Очевидно, это был непродолжительный период наибольшего расцвета Тмутаракани, пришедшийся на середину — третью четверть XI в. В середине 80-х гг. этого столетия Византийская империя постепенно стала возвращать прежнее влияние как в Юго-Восточном и Восточном Крыму, так и на Тамани.

В заключение на основании археологических и сфрагистических источников можно попытаться наметить основные периоды формирования отношений между Тмутараканью и восточным регионом Таврики, и роль в этом Византийской империи. Первый период — середина X — начало 70-х гг. X в. — формирование культуры населения Юго-Восточного Крыма под влиянием и при непосредственном участии Тмутаракани; второй — 70–80-е гг. X в. — политическая зависимость от Византии; третий — конец 80-х гг. X в. — 1015 г. — номинальная зависимость от Византии, экономические связи с Тмутараканью усиливаются; четвертый — 1015 г. — середина XI в. — политическая зависимость от Византии усиливается, создание фемы; пятый — конец 50-х — начало 80-х гг. XI в. — значительное усиление связей с Тмутараканью, возможный протекторат последней над территорией Восточного Крыма; с середины 80-х гг. XI в. окончательное вхождение в состав Византийской империи.

Інститут археології НАН України

55 Латышев В.В. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. СПб., 1896, 16–18.

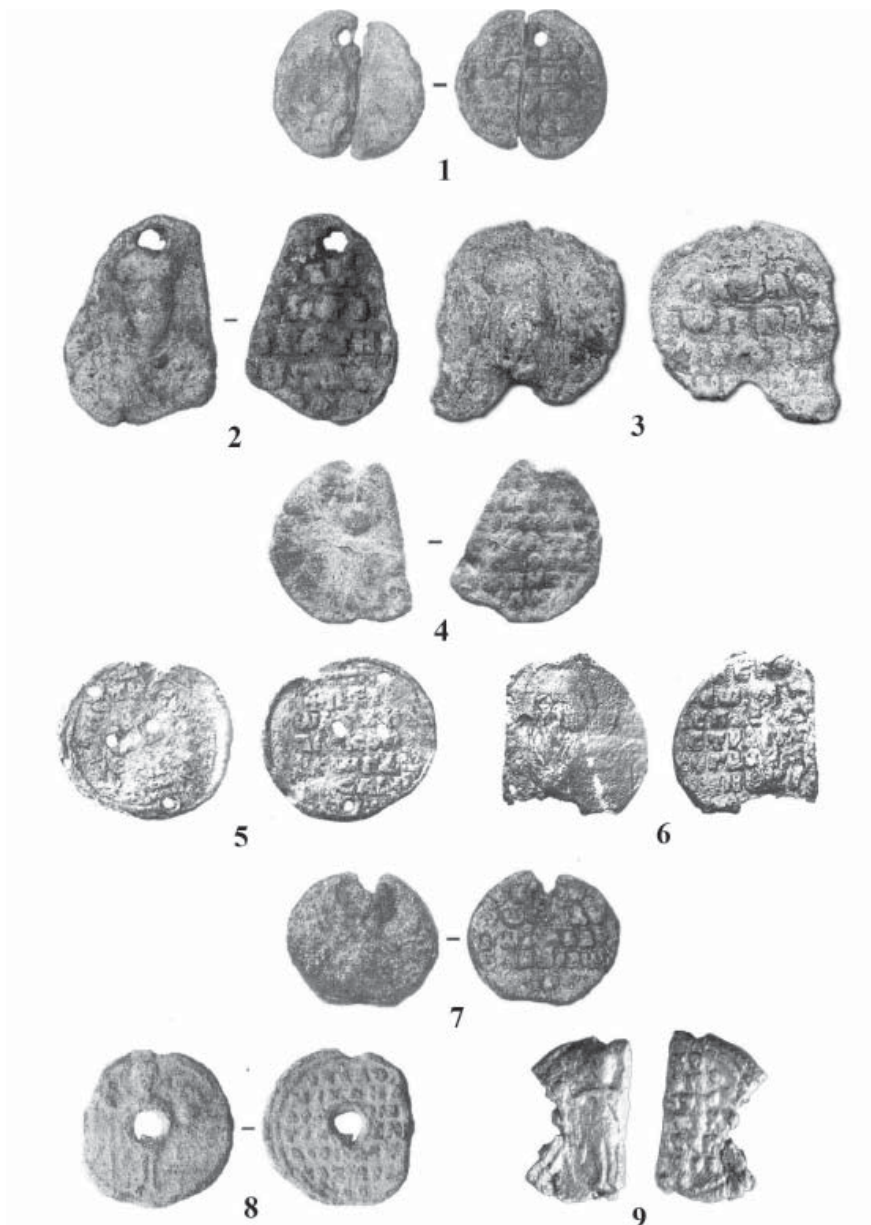

Рис. 1. Моливдовулы стратигов Сугдеи и тмутараканских князей
Олега-Михаила и Давида

1 — Иоанн протоспафарий и стратиг Сугдеи (?); 2, 3 — Иоанн примикий и стратиг Сугдеи;
4–6 — Георгий Муселе (? протоспафарий и стратиг Сугдеи; 7 — Давид Игоревич; 8, 9 — Олег-
Михаил Святославич